

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
УКРАИНСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Фенимор
КУПЕР

ЗВЕРОВОЙ

Харьков
«Фолио»
2012

Глава I

...Есть наслаждение в бездорожных чашах,
Отрада есть на горной крутизне,
Мелодия — в прибое волн кипящих,
И голоса — в пустынной тишине.
Людей люблю — природа ближе мне.
И то, чем был, и то, к чему иду я,
Я забываю с ней наедине.
В своей душе весь мир огромный чую,
Ни выразить, ни скрыть то чувство не могу я.

Б а й р о н, «Чайльд Гарольд»¹

События производят на воображение человека такое же действие, как время. Тому, кто много поездил и много повидал, кажется, будто он живет на свете давным-давно; чем богаче история народа важными происшествиями, тем скорее ложится на нее отпечаток древности. Иначе трудно объяснить, почему летописи Америки уже успели приобрести такой достопочтенный облик. Когда мы мысленно обращаемся к первым дням истории колонизации, период этот кажется далеким и туманным; тысячи перемен отодвигают в нашей памяти рождение нации к эпохе столь отдаленной, что она как бы теряется во мгле времен. А между тем четырех жизней средней продолжительности было бы достаточно, чтобы передать из уст в уста в виде преданий все, что цивилизованный человек совершил в пределах американской республики. Хотя в одном только штате Нью-Йорк жителей больше, чем в любом из четырех самых маленьких европейских королевств и во всей Швейцарской конфедерации, прошло всего лишь двести лет с тех пор, как голландцы, основав свои первые поселения, начали выводить этот край из состояния дикости. То, что кажется таким древним благодаря множеству перемен, становится знакомым и близким, как только мы начинаем рассматривать его в перспективе времени.

Этот беглый взгляд на прошлое должен несколько ослабить удивление, которое иначе мог бы почувствовать читатель, рассматривая изображаемые нами картины, а некоторые добавочные пояснения воскресят в его уме те условия жизни, о которых мы хотим здесь рассказать. Исторически вполне достоверно, что всего сто лет назад такие поселки на восточных берегах Гудзона², как, например, Клаверак, Киндерхук и даже Покип-

¹ Перевод *В. Левика*.

² Г у д з ó н — большая река, берущая начало в Адирондакских горах и впадающая в Атлантический океан у Нью-Йорка. Получила свое имя в честь английского мореплавателя Генри Гудзона, который в 1609 году поднялся по реке до места, где стоит теперь город Олбани.

си¹, не считались огражденными от нападения индейцев. И на берегах той же реки, на расстоянии мушкетного выстрела от верфей Олбани², еще до сих пор сохранилась резиденция младшей ветви Ван-Ренселеров³ — крепость с бойницами, проделанными для защиты от того же коварного врага, хотя постройка эта относится к более позднему периоду. Такие же памятники детства нашей страны можно встретить повсюду в тех местах, которые ныне слывут истинным средоточием американской цивилизации. Это ясно доказывает, что все наши теперешние средства защиты от вражеского вторжения созданы за промежуток времени, немногим превышающий продолжительность одной человеческой жизни.

События, рассказанные в этой повести, происходили между 1740 и 1745 годами. В то время были заселены только четыре графства колонии Нью-Йорк, примыкающие к Атлантическому океану, узкая полоса земли по берегам Гудзона от устья до водопадов вблизи истока, да несколько соседних областей по рекам Мохоку⁴ и Скохари⁵. Широкие полосы девственных дебрей покрывали берега Мохока и простирались далеко в глубь Новой Англии⁶, скрывая в лесной чаще обутого в бесшумные мокасины⁷ туземного воина, шагавшего по таинственной и кровавой тропе войны. Если взглянуть с высоты птичьего полета на всю область к востоку от Миссисипи, взору наблюдателя представилось бы необъятное лесное пространство, окаймленное близ морского берега сравнительно узкой полосой обработанных земель, усеянное сверкающими озерами и пересеченное извиляющимися линиями рек. На фоне этой величественной картины уголок страны, который мы хотим описать, показался бы весьма незначительным. Однако мы будем продолжать наш

---

¹ П ó к и п с и — город на берегу Гудзона (в его нижнем течении). Основан голландцами в 1690 году.

² О л б а н и — один из старейших городов США. Основан голландцами в 1614 году на берегу Гудзона. Теперь административный центр штата Нью-Йорк.

³ В а н - Р é н с е л е р ы — крупные землевладельцы голландского происхождения. Обосновались недалеко от города Олбани еще в 1630 году.

⁴ М о х ó к — приток Гудзона, впадающий в него несколько севернее города Олбани.

⁵ С к ó х а р и — приток Мохока.

⁶ Н о в а я А н г л и я — область в северо-восточной части США, прилегающая к Атлантическому океану. Она раньше всего была колонизована переселенцами из Англии.

⁷ М о к а с и н ы — индейская обувь из кожи, украшенная бисером, мехом и кусочками цветного сукна.

рассказ в уверенности, что более или менее точное изображение одной части этой дикой области даст достаточно верное представление о ней в целом, если не считать мелких и несущественных различий.

Каковы бы ни были перемены, производимые человеком, вечный круговорот времен года остается неизблемым. Лето и зима, пора сева и пора жатвы следуют друг за другом в установленном порядке с изумительной правильностью, предоставляя человеку возможность направить высокие силы своего всеобъемлющего разума на познание законов, которыми управляется это бесконечное однообразие и вечное изменение. Столетиями летнее солнце обогревало своими лучами вершины благородных дубов и сосен и посылало свое тепло даже прячущимся в земле упорным корням, прежде чем послышались голоса, перекликавшиеся в чаще леса, зеленый покров которого купался в ярком блеске безоблачного июньского дня, в то время как стволы деревьев в сумрачном величии высились в окутывавшей их тени. Голоса, очевидно, принадлежали двум мужчинам, которые сбились с пути и пытались найти потерявшуюся тропинку. Наконец торжествующее восклицание возвестило об успехе поисков, и затем какой-то высокого роста человек выбрался из лабиринта мелких болот на поляну, образовавшуюся, видимо, частично от опустошений, произведенных ветром, и частично под действием огня. Отсюда хорошо было видно небо. Сама поляна, почти сплошь заваленная стволами высохших деревьев, раскинулась на склоне одного из тех высоких холмов или небольших гор, которыми пересечена едва ли не вся эта местность.

— Вот здесь можно перевести дух! — воскликнул лесной путник, отряхиваясь всем своим огромным телом, как большой дворовый пес, выбравшийся из снежного сугроба. — Ура, Зверобой! Наконец-то мы увидели дневной свет, а там и до озера недалеко.

Едва только прозвучали эти слова, как второй обитатель леса раздвинул болотные заросли и тоже вышел на поляну. Наскоро приведя в порядок свое оружие и истрепанную одежду, он присоединился к товарищу, уже расположившемуся на привале.

— Ты знаешь это место? — спросил тот, кого звали Зверобоем. — Или закричал просто потому, что увидел солнце?

— И по той и по этой причине, парень! Я узнал это местечко и очень рад, что снова вижу такого верного друга, как солнце. Теперь румбы компаса у нас опять перед глазами, и если мы еще раз собьемся с пути, то сами будем виноваты. Пусть меня больше не зовут Гарри Непоседа, если это не то самое место, где прошлым летом разбили свой лагерь и прожили целую неде-

лю «охотники за землей»¹. Гляди: вот сухие ветви от их шалаша, а вот и родник. Нет, малый, как ни люблю я солнце, я не нуждаюсь в нем, чтобы знать, когда наступает полдень: мое брюхо не уступит лучшим часам, какие можно найти в Колонии², и оно уже прозвонило половину первого. Итак, развяжи котомку, и подкрепимся для нового шестичасового похода.

После этого предложения оба занялись необходимыми приготовлениями к своей, как всегда, простой, но обильной трапезе. Мы воспользуемся перерывом в их беседе, чтобы дать читателю некоторое представление о внешности этих людей, которым суждено играть немаловажную роль в нашей повести. Трудно встретить более благородный образчик мужественной силы, чем тот из путников, который назвал себя Гарри Непоседой. Его настоящее имя было Генри Марч; но так как обитатели пограничной полосы заимствовали у индейцев обычай давать людям всевозможные клички, то чаще вспоминали его прозвище Непоседа, чем его подлинную фамилию. Нередко также называли его Гарри Торопыгой. Обе эти клички он получил за свою беспечность, порывистые движения и чрезвычайную стремительность, заставлявшую его вечно скитаться с места на место, отчего его и знали во всех поселках, разбросанных между британскими владениями и Канадой³. Шести футов четырех дюймов⁴ росту, Гарри Непоседа был при этом очень пропорционально сложен, и его физическая сила вполне соответствовала его гигантской фигуре. Лицо — под стать всему остальному — было добродушно и красиво. Держался он очень непринужденно, и, хотя суровая простота пограничного быта неизбежно сказывалась в его обращении, величавая осанка смягчала грубость его манер.

Зверобой, как Непоседа называл своего товарища, и по внешности и по характеру был совсем иного склада. Около шести футов росту, он выглядел сравнительно худым и тщедушным, но его мускулы обличали чрезвычайную ловкость, если не чрезвычайную силу. Его молодое лицо нельзя было назвать особенно красивым, и только выражением своим оно подкупало всяко-

---

¹ «О х о т н и к а м и з а з е м л е й» называли в те времена людей, бродивших по девственным лесам Северной Америки в поисках плодородной земли. Найдя подходящий участок, «охотник за землей» вырубал и выжигал на нем лес и распахивал его. Собрав несколько урожаев, «охотник» забрасывал свой участок и вновь принимался бродить по лесу в поисках плодородных, еще не истощенных посевами земель.

² К о л о н и я — здесь: Олбани.

³ К а н а д о й называли тогда французские поселения в северной Америке на реке Святого Лаврентия. Теперь Канада — британский доминион.

⁴ То есть около 190 сантиметров.

го, кто брал на себя труд взглянуть в него более внимательно. Выражение это, свидетельствовавшее о простосердечии, безусловной правдивости, твердости характера и искренности чувств, было поистине замечательно.

Сначала даже могло показаться, что за простодушной внешностью скрывается затаенная хитрость, однако при ближайшем знакомстве это подозрение тотчас же рассеивалось.

Оба пограничных жителя были еще очень молоды. Непоседе едва сравнялось лет двадцать шесть — двадцать восемь, а Зверобой был и того моложе. Одежда их не заслуживает особого упоминания; надо только заметить, что она была сшита главным образом из оленьих шкур — явный признак того, что ее владельцы проводили жизнь в бесконечных лесах, на самой окраине цивилизованного общества. Тем не менее в одежде Зверобоя чувствовалась забота о некотором шегольстве, особенно заметная на оружии и на всем охотничьем снаряжении. Его карабин находился в полной исправности, рукоять охотничьего ножа была покрыта изящной резьбой, роговая пороховница украшена подобающими эмблемами и насечкой, а ягдташ обшит индейским вампумом¹. Наоборот, Гарри Непоседа, по свойственной ли ему небрежности или из тайного сознания, что его наружность не нуждается в искусственных прикрасах, был одет кое-как, словно выражая этим свое презрение ко всяким побрякушкам.

— Эй, Зверобой, принимайся за дело и докажи, что у тебя делаварский желудок: ты ведь говоришь, что тебя воспитали делавары!² — крикнул Непоседа и подал пример товарищу, засунув себе в рот такой кусок дичины, какого хватило бы европейскому крестьянину на целый обед. — Принимайся, парень, и докажи-ка лани своими зубами, что ты мужчина, как ты уже доказал ей это ружьем.

— Нет, нет, Непоседа, не так уж много мужества надо, чтобы убить лань, да еще в эту пору. Вот уложить дикую кошку или пантеру — это другое дело, — возразил Зверобой, готовясь последовать совету товарища. — Делавары дали мне прозвище не за отважное сердце, а за зоркий глаз и проворные ноги.

---

¹ В а м п у м — разноцветные бусы из раковин, служившие североамериканским индейцам для украшений. Нанизанный на нить, вампум употреблялся в качестве денежной единицы. Вампум в форме пояса, или перепояса, заменял документы в общественных делах индейцев.

² Д е л а в а р ы, или л е н н и - л е н а п е, как они сами себя называли, — индейское племя, населявшее в XVII — XVIII веках долину реки Делавар и побережье Атлантического океана до нынешней Северной Каролины. Они создали могучий союз племен, борющийся с ирокезским племенным союзом. Делавары по большей части выступали союзниками англичан.